

УДК 94(47).083

«ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА ВО ВЛАДИВОСТОК»: К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ПО ПОВОДУ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. В. Зайцев

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ZaytsevMV@mail.ru

В статье рассматривается проблема финансирования российским правительством вооруженных сил в начале XX в. Изучены противоречия между Военным министерством и Министерством финансов, возникшие по данному вопросу. Дается оценка роли министра финансов В. Н. Коковцова в обеспечении модернизации российских вооруженных сил денежными ресурсами.

Ключевые слова: история России начала XX в., финансирование армии и флота накануне Первой мировой войны, Совет министров Российской империи, В. Н. Коковцов, А. Ф. Редигер, В. А. Сухомлинов.

**«The Journey from St. Petersburg to Vladivostok»:
on the Contradictions in the Russian Government
Concerning the Army Provisions before the First World War**

М. V. Zaytsev

Maxim V. Zaytsev, ORCID 0000-0003-2035-2786, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ZaytsevMV@mail.ru

The article examines the problem of financing the armed forces by the Russian government in the early 20th century. The contradictions between the War Ministry and the Ministry of Finance that have arisen on this problem are considered. An assessment of the role of the Finance Minister V. N. Kokovtsov in providing the modernization of the Russian armed forces with monetary resources is given.

Key words: history of Russia in the early XIX century, financing of army and navy before the First World War, Council of Ministers of the Russian Empire, V. N. Kokovtsov, A. F. Rediger, V. A. Sukhomlinov.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-445-451

Проблема модернизации российских вооруженных сил в период после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. давно привлекает внимание исследователей, поскольку она напрямую связана с определением степени готовности России к Первой мировой войне и выявлением причин неудачного развития событий на ее начальной стадии.

С этой точки зрения особое внимание привлекает деятельность правительства Российской империи по финансовому обеспечению армии и Военно-морского флота в 1900–1910-е гг., которая оценивается далеко не однозначно. В последнее

время появляются исследования, объясняющие замедленное развитие вооруженных сил ведомственными противоречиями, имевшими место в правящих сферах. Примером такого подхода является недавно опубликованная статья Р. С. Авилова¹. Эта работа посвящена поездке министра финансов В. Н. Коковцова на Дальний Восток в 1909 г. и составленному им докладу для Николая II с предложениями по усилению обороноспособности указанного региона. На основе анализа этого сюжета автор пытается ответить на более масштабные вопросы, касающиеся роли министра финансов в развитии вооруженных сил. Наибольшее внимание уделено отношениям Коковцова с военным министром В. А. Сухомлиновым по поводу выделения кредитов на усиление Владивостокской крепости и другие военные нужды.

Рассматривая конфликтную ситуацию между министрами, Р. С. Авилов справедливо отмечает, что на взгляды исследователей оказывает сильное влияние мемуарное наследие обоих государственных деятелей, заставляющее историков вставать на ту или иную сторону². При этом сам автор, на мой взгляд, не смог полностью избежать отмеченного им влияния и «принял сторону» Военного министерства. Только этим можно объяснить встречающиеся в данной статье уничижительные отзывы о Коковцове. Так, по выражению Р. С. Авилова, министр финансов «интересовался абсолютно всем, имея привычку высказывать свое мнение даже по тем вопросам, в которых решительно ничего не понимал». Кроме того, ««бухгалтерское» видение В. Н. Коковцевым (фамилия передана неверно в оригинале. – М. З.) вопросов обороны государства, его постоянные передедгивания и привычка с упорством, достойным лучшего применения, «совать нос» во все мелкие детали военного и морского дела, находящиеся далеко за пределами не только его компетенции, но и понимания, создавали очень много проблем, поскольку Военному и Морскому министерствам приходилось постоянно давать огромное количество справок и разъяснений по каждому мелочному вопросу, что топило в бездонной бюрократии решение любой серьезной проблемы»³. Такие инвективы еще объяснимы, если исходят непосредственно от оппонентов министра финансов (А. Ф. Редигера или В. А. Сухомлинова), но вряд ли уместны со стороны историка, стремящегося сохранить объективность.

Основной вывод Р. С. Авилова сводится к тому, что «корень зла» заключался в неумении или нежелании многих министров, и прежде всего Коковцова, ставить государственные интересы выше ведомственных. «В то время, – утверждает автор, – как военные пытались объяснить, что без серьезных военных реформ империя может просто не выжить, министр финансов интересовался лишь “сведением баланса”, смотря на все практически исключительно сквозь призму насущной необходимости “всемерного сокращения расходов Государственного Казначейства”. С одной стороны, это было правильно, поскольку устойчивость финансовой системы, безусловно, является необходимым, хотя и не достаточным условием успешного развития экономики страны, а ее разбалансированность в ситуации послереволюционного и послевоенного кризиса, из которого медленно выбиралась страна, могла погубить Россию внутренними потрясениями не хуже любого неприятеля. С другой – именно такой “ведомственный подход” привел к блокированию по финансовым соображениям многих жизненно важных преобразований в стране, начиная от образовательной реформы и заканчивая увеличением количества казенных военных заводов, которые пришлось аврально создавать уже во время Первой мировой войны»⁴.

Другая публикация этого же автора выдержана в более осторожном тоне и недостатки в развитии вооруженных сил объясняются не исключительно «бухгалтерской» ограниченностью Коковцова, а особенностями существовавшей в России административной системы, приводившей к постоянному противоборству трех ведомств – военного, морского и финансового⁵.

Очевидно, что данная проблема требует дальнейшего серьезного и, самое главное, объективного изучения. Цель моей работы – дать более взвешенную оценку противоречиям в политике модернизации вооруженных сил в конце 1900 – начале 1910-х гг. и конкретно роли министра финансов Коковцова в этом обеспечении.

После окончания неудачной войны с Японией, которая выявила неудовлетворительное состояние российских вооруженных сил, Военное министерство, возглавляемое А. Ф. Редигером (1905–1909), стало настойчиво добиваться увеличения бюджетных расходов на оборону. Важно понимать, что происходило это в условиях масштабной реформы государственного строя России. В апреле 1906 г. Николай II утвердил новую редакцию Основных законов Российской империи, согласно которой законодательные функции приобрели Государственный Совет и Государственная Дума, и все законопроекты, в том числе касающиеся казенных расходов, должны были получать их одобрение. Членам Совета министров теперь приходилось считаться с новыми условиями, хотя привыкали к ним главы

ведомств с разной скоростью. Как известно, с первой Государственной Думой правительство не смогло найти общего языка, в связи с чем ее состав в июле 1906 г. был распущен, а в период до открытия заседаний нового созыва законопроекты могли утверждаться непосредственно императором согласно 87 статье Основных законов «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере»⁶. Статья 17 «Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов» гласила: «Если испрашение в порядке, установленном для утверждения росписи, разрешения на производство неотложного расхода представляется по краткости времени, в течение коего должен быть произведен расход, невозможным, то необходимый на покрытие такого расхода кредит открывается по постановлению Совета министров». Подобные ассигнования, производившиеся в период прекращения занятий Думы, должны были вноситься на ее утверждение в течение двух месяцев с начала новой сессии⁷.

Не желая замедлять восстановление боеспособности страны из-за перерыва думской деятельности, а возможно сознательно пытаясь избежать обсуждения вопроса об усилении армии представителями левых партий, Редигер в октябре 1906 г. внес в Совет министров представление об увеличении в 1907–1908 гг. предельного бюджета своего ведомства. Идея заключалась в том, чтобы войсковые части, сформированные во время Русско-японской войны, были сохранены на постоянной основе с созданием для них полноценной инфраструктуры – «интендантских, артиллерийских и медицинских запасов». Эта мера увеличила бы постоянную численность армии на 134 тыс. чел., а добавка к смете составила 215 млн руб., причем Военное министерство настаивало на проведении этого расхода по 87-й статье Основных законов и 17-й статье бюджетных правил⁸.

Коковцов по этому поводу направил председателю Совета министров П. А. Столыпину официальное отношение, в котором резко возражал намерению Военного министерства проводить предложенную меру по 87-й статье. По мнению министра финансов, буквальный смысл закона состоял в том, что «применение этой статьи может иметь место лишь при наличии чрезвычайных обстоятельств» и продолжительность действия принятых таким путем мер «ограничивается сроками, необходимыми для рассмотрения в Государственной Думе и Государственном Совете» соответствующих законопроектов. Поэтому увеличение численности войск как меру постоянную и сопряженную с крупными расходами он не считал возможным предпринимать в порядке 87-й статьи Основных законов и 17-й статьи бюджетных правил. Коковцов настаивал на необходимости отложить решение этого вопроса до «наступления нормальной деятельности Государственной думы». В свете тяжелого положения казны и предстоящего дефицита бюджета на 1907 г. он

особо подчеркнул, что только законодательные учреждения могут разрешить правительству открывать новые источники доходов. Причем он имел в виду не только букву закона, но и реальное положение дел, так как не одобренные Думой финансовые мероприятия правительства не пользовались доверием деловых кругов. И поэтому реализация государством займа, предпринятого вне установленного законодательного порядка, могла встретить серьезные препятствия.

Дополнительно глава финансового ведомства предложил запланировать примерно на 10–15 лет крупные затраты на оборону, определив перед этим какой политики намерено придерживаться государство (оборонительной или наступательной), и проводить их через законодательные учреждения⁹.

С этого момента было положено начало ведомственным трениям между Министерством финансов и Военным министерством, продолжавшимся все последующие годы. Редигер, а также его коллеги, возглавлявшие Морское министерство – А. А. Бирилев (1905–1907) и И. М. Диков (1907–1909) – оказывали постоянное давление на Коковцова, требуя все новых и новых ассигнований на развитие порученных им отраслей. При этом они не желали считаться с такими факторами, как, во-первых, тяжелое состояние государственного бюджета, выкарабкивающегося из трудностей, вызванных войной и революцией, во-вторых, необходимость утверждать все расходы в законодательных палатах и, в-третьих, аналогичные претензии, предъявляемые Министерству финансов другими ведомствами. Так, в частности, П. А. Столыпин, возглавивший Совет министров в июле 1906 г., имел широкую программу преобразований, в центре которой была аграрная реформа. И все планируемые реформы требовали расширения государственных затрат. В таких условиях нагрузка на и без того кризисный бюджет росла сразу по нескольким направлениям. Однако военный и морской министры не желали входить в сложное положение министра финансов, заботясь лишь о вверенных им подразделениях.

Чтобы заключить их требования в разумные рамки, Коковцов 1 ноября 1907 г. обратился к Николаю II со всеподданнейшим докладом «О желательных изменениях в порядке удовлетворения расходов Военного и Морского ведомств». В докладе подчеркивалось, что за последние годы расходы России на оборону росли быстрее, чем в Германии, Франции и Австро-Венгрии. Но в отличие от этих стран, утверждал Коковцов, в России имеется масса неотложных «культурных потребностей», которые удовлетворяются недостаточно. Среди них он на первое место ставил «поднятие хозяйственных сил главной массы населения империи – крестьян». Вместе с тем Военное министерство определяло размер необходимых на развитие армии средств приблизительно в 2,5 млрд руб., а десятилетняя

судостроительная программа, готовившаяся в это время военно-морским ведомством, требовала не менее 870 млн руб. (при том, что годовой бюджет государства составлял тогда около 2,5 млрд руб.). Коковцов скрупулезно изложил причины, по которым резкое увеличение расходов на оборону было в ближайшее время невозможно. «Как ни настоятелен, – писал он, – после тяжелых неудач прошлой войны скорейший приступ к военным реформам, отпуск новых кредитов на эти реформы, требующий предварительного разрешения законодательных учреждений, может встретить серьезные препятствия со стороны этих учреждений по недостатку средств казны. А при этом условии главнейшие заботы правительства в настоящее время должны быть, по необходимости, направлены к лучшему использованию отпускаемых ныне средств по сметам Военного и Морского ведомств и к возможному улучшению за счет этих средств организации наших вооруженных сил»¹⁰.

Министр финансов указывал, что оба ведомства могли бы изыскать значительные внутренние резервы за счет сокращения количества войск, крепостей и личного состава центральных и местных учреждений, а освободившиеся средства как раз употребить на улучшение качества армии и флота. При этом он остроумно поддел военного министра: «О том, что качество армий понижается в военное время вследствие большой их численности, имеется вполне компетентное мнение генерала Редигера в его труде, удостоенном Академией наук полной Макарьевской премии “Комплектование и устройство вооруженной силы”»¹¹.

Однако Военное министерство продолжало настойчиво добиваться все новых и новых ассигнований, а рекомендации Коковцова к более производительному использованию уже отпущенных средств и заблаговременному планированию новых расходов оставляло без внимания. В январе 1908 г. Редигер поднял вопрос об ассигновании чрезвычайного кредита на армию в сумме 207 млн руб. Для Коковцова такое требование было «как снег на голову», поскольку при составлении бюджета на 1908 г. (всего за три месяца до этого) Военное министерство и не упоминало об этой цифре, которая практически совпадала с размером ожидаемого дефицита всей росписи. Министр финансов категорически заявил, что «отпуск в текущем году такой огромной суммы затруднителен для государственного казначейства», предложив военному ведомству изыскивать требующиеся средства в отпущенных ему кредитах, и еще раз указал на необходимость разработать общий план преобразования вооруженных сил¹². В 1908 г. такой проект был, наконец, разработан и после некоторых «торгов» между Министерством финансов и Военным министерством Совет министров утвердил сумму его в размере 293 млн руб., которые предполагалось отпустить в 1908–1915 гг. Однако Дума отклонила этот план, предложив

вносить конкретные сметы необходимых расходов ежегодно в обычном порядке¹³.

С 1906 по 1909 г. между двумя министрами длилась «тяжба» по поводу «экономических капиталов». Речь шла о суммах, выделенных воинским частям, участвовавшим в Русско-японской войне, на хозяйственные нужды. Коковцов добивался, чтобы их неиспользованный остаток 11,9 млн руб. был возвращен в казну, однако Редигер всеми силами сопротивлялся этому и даже пошел – по его собственному признанию – на должностное преступление, не выполнив высочайше утвержденное решение Совета министров, окончившее дело в пользу мнения министра финансов¹⁴.

Важно подчеркнуть, что ведомство Редигера, постоянно требуя кредитов, не могло использовать полностью даже те, которые ему выделялись. Так, на 1907 г. по разделу чрезвычайных государственных расходов Военному министерству было отпущено 97 млн руб., из которых оно смогло истратить только 72,6 млн. В 1908 г. отпущено 45,6 млн, израсходовано 24,9 млн, в 1909 г. – 64,8 млн и 4,8 млн руб. соответственно (неиспользованные остатки переходили на последующие годы)¹⁵. Сухие отчеты Государственного контроля – независимого от Коковцова ведомства – фиксировали неспособность Военного министерства осваивать даже выделенные ему средства, что неизбежно вскрывалось на заседаниях Совета министров.

Постепенно ведомственный конфликт стал приобретать оттенки личного. При составлении бюджета на 1909 г. Коковцов обратился к Редигеру с просьбой о том, чтобы новая смета его ведомства не превышала сметы 1908 г. Военный министр в ответ на это капризно распорядился внести в смету «все наиболее настоятельные новые меры, не стесняясь ее увеличения», в результате чего она возросла почти на 100 млн руб. Действия Редигера ярко характеризует его собственное признание: «Уезжая на лето в отпуск, я запретил Поливанову (товарищ военного министра. – М. З.) соглашаться на какие-либо урезки по смете ... дабы выторговать побольше»¹⁶. В итоге прибавка к бюджету военного ведомства составила 48 млн руб.

С учетом этой прибавки расходы одного Военного министерства должны были составить в 1909 г. 470 млн руб., или около четверти всех обыкновенных расходов. В своем стремлении положить предел дальнейшему росту этой части бюджета Коковцов встречал понимание и поддержку со стороны других членов кабинета. Редигер в своих мемуарах объясняет это с позиции глав других ведомств, которые считали в то время, что с удовлетворением нужд армии можно не спешить и, кроме того, сами стремились таким путем обеспечить успех собственных ходатайств об отпуске средств¹⁷. Так или иначе, но в начале марта 1909 г. Коковцов добился, чтобы Совет министров не только отклонил новую порцию представлений военного министра о сверхсметных ассигнованиях, но и обязал его разработать проект сокращения

численного состава армии в мирное время, а также штатов центральных и местных учреждений Военного министерства и, кроме того, представить новый общий план реорганизации вооруженных сил с конкретными расчетами требуемых на это расходов¹⁸. Возможно, поражение Редигера в этом противостоянии сыграло определенную роль в его последующей скорой отставке с поста военного министра.

Тем не менее новый министр В. А. Сухомлинов стал продолжателем политики своего предшественника, поэтому перманентный конфликт между финансовым и военным ведомствами не прекращался и в дальнейшем. Вскоре после назначения в июне 1909 г. Сухомлинов категорически настаивал в Совете на невозможности уменьшения численности армии¹⁹.

В таком положении находились дела к осени 1909 г., когда состоялась поездка Коковцова на Дальний Восток. Проблема укрепления обороноспособности этого региона приобрела особое значение после проигранной войны с Японией. Интересно, что при обсуждении данного вопроса Советом государственной обороны еще в 1906 г. Редигер вообще призывал отказаться от укрепления Владивостока, а взамен организовать оборону в районе Никольска-Уссурийского. Министр финансов категорически возражал против такой меры и тогда его поддержали Столыпин, министр иностранных дел А. П. Извольский и Сухомлинов. Причем Сухомлинов на следующий день после заседания горячо благодарил Коковцова за «спасение нашего бедного Владивостока от грозившей ему опасности от узкого и непонятого взгляда военного министра»²⁰.

Редигер, даже оставшись в меньшинстве, не изменил своей точки зрения и к усилению обороны Владивостока относился прохладно, поэтому при нем по данному направлению почти ничего не делалось. Сухомлинов буквально через несколько дней после назначения его военным министром в апреле 1909 г. обратился к Коковцову с требованием безотлагательно предоставить в его распоряжение 9 млн руб. на первоочередные работы по крепости Владивосток. Тогда же он апеллировал к императору, которому доложил, что оборона Дальнего Востока в безнадежном положении и «все это происходит исключительно от того, что он не может добиться получения согласия министра финансов на отпуск самых необходимых средств для улучшения оборонительных сооружений Владивостока»²¹.

Коковцов, неприятно удивленный таким обвинением, был вынужден доказывать документально, что его ведомство за три последних года ни разу не предлагало никаких сокращений в кредитах на Владивосток. На заседании Совета министров он заявил, что кредит, отпущенный еще при Редигере, «лежит без употребления уже третий год». А виновника такого порядка «военный министр ищет не у себя в ведомстве, а в тех двух ведомствах, Госу-

дарственном контроле и Министерстве финансов, которые виноваты только в том, что не возражали против новых ассигнаций (так в оригинале. – М. З.), когда и со старыми не умеют справляться». После тягостного молчания, которым встретили члены правительства эту информацию, Сухомлинов «ничтоже сумняшеся» объяснил ситуацию так: «Вероятно какой-нибудь молодой и неопытный полковник Генерального штаба просмотрел не все дело»²².

Любопытно, что данный инцидент в статье Р. С. Авилова изложен исключительно с точки зрения военных министров, хотя в мемуарах Коковцова он описан весьма подробно и не дает возможности подозревать их автора в сильном искажении фактов. Уважаемый коллега в обеих публикациях, посвященных данному вопросу, подчеркивает отсутствие кредитов на усиление обороны Владивостока до 1909 г., ссылаясь при этом только на неоднозначную фразу из мемуаров Редигера²³. Однако упускает из виду, что таких ассигнований не было, поскольку при рассмотрении бюджетов на 1908–1909 гг. Военное министерство не включало в них средств на этот предмет²⁴. Обвинения Сухомлинова носили голословный характер, что и выяснилось на заседании Совета министров.

Тогда же, по существу дела, министр финансов на притязания Сухомлинова ответил, что «не уполномочен законом открывать дополнительных кредитов, не разрешенных в установленном порядке», и что единственным средством «удовлетворения столь жгучей потребности было бы немедленное внесение в законодательные учреждения представления об отпуске испрашиваемого кредита». Коковцов указывал, что необходимые на это средства военное ведомство могло бы изыскать в неиспользованных ресурсах собственного бюджета. И действительно, например, из кредита «на экстренные хозяйственные запасы», ассигнованного по сметам 1908–1909 гг., неизрасходованными к осени 1909 г. оставались более 85 млн руб. Но Военное министерство заявляло, что «кредит на запасы имеет свое назначение и не может быть даже временно обращен на другие потребности»²⁵.

Через несколько месяцев Коковцов отправился в служебную командировку на Дальний Восток, которая имела три главных цели: 1) ознакомление с положением КВЖД с точки зрения ее охраны и условий управления; 2) оценка влияния отмены свободного ввоза иностранных товаров («порто-франко») на развитие Дальнего Востока; 3) выяснение состояния обороны в данном регионе. В ходе поездки Коковцов лично убедился в недостаточной обороноспособности дальневосточных рубежей и по возвращении предложил несколько мер для улучшения ситуации. Например, он рекомендовал морскому министру выделить вопрос об усилении обороны Владивостока с моря из общей программы судостроения, прочно засевшей в третьей Думе, чтобы облегчить его законодательное утверждение, а также организовать производство миноносцев и

других малых судов прямо на месте. В отношении Военного министерства он, как и ранее, твердо придерживался той точки зрения, что оно должно направить на укрепление Дальнего Востока неиспользованные остатки выделенных ранее кредитов, а на будущие нужды заблаговременно вносить представления, которые можно будет провести через законодательные учреждения²⁶.

Рассмотрев предложения Коковцова, Совет министров предоставил двум противоборствующим ведомствам совместно найти необходимый источник средств на укрепление обороны Дальнего Востока²⁷. Однако такое «соломоново решение», естественно, не могло способствовать ликвидации конфликта. Военное министерство по-прежнему не справлялось с освоением выделяемых ему средств. За три с половиной года (с 1908 до июня 1911 г.) ему было ассигновано «на чрезвычайные расходы по заготовлению запасов и усилению боеспособности армии» в общей сложности 215,5 млн руб., из которых оно смогло истратить лишь половину, а 104,1 млн руб. лежали мертвым грузом в кассах Министерства финансов. Только в начале 1911 г. Коковцову удалось добиться, чтобы Военное министерство обратило на усиление крепости Владивостока часть этих средств²⁸.

Вопрос об усилении обороноспособности Дальнего Востока являлся частью более широкой проблемы модернизации всех вооруженных сил России. Конкретный план модернизации, на необходимости которого настаивал министр финансов, военное и морское ведомства разработали только к февралю 1910 г. Необходимые на это средства исчислялись в сумме 1.265 млн руб., а израсходовать их предполагалось в течение десяти лет. При обсуждении этой программы в Совете министров Коковцов потребовал, чтобы ассигнования на эти цели проходили по разделу обыкновенных расходов государственного бюджета и соответственно покрывались исключительно обыкновенными доходами. Средства предполагалось получить за счет повышения цен на продажу алкоголя, а также за счет повышения существующих и введения новых прямых налогов. Министр финансов пытался добиться, чтобы ассигнования были рассрочены на несколько более длительный период времени, но Николай II, утвердивший программу в марте 1910 г., в своей резолюции подчеркнул, что она должна быть выполнена обязательно в десятилетний срок²⁹.

Из общей суммы этого плана на Военное министерство приходилось 715 млн руб., соответственно ежегодные ассигнования должны были составлять 71,5 млн руб. Однако план 1910 г., как и план 1908 г., не был утвержден законодательными учреждениями. Дума снова разрешила лишь испрашивать кредиты в счет этого плана на каждый год в обычном порядке, и хотя таких кредитов было занесено в роспись 1910 г. на 50 млн руб., 1911 г. – 48,6 млн руб., 1912 г. – 70 млн руб., то есть меньше предполагаемых ежегодных ассигнований

(71,5 млн), но и они, по данным Государственного контроля, расходовались военным ведомством далеко не в полном объеме³⁰.

Периодически вопрос об отпуске сверхсметных кредитов на усиление боеготовности поднимался на заседаниях правительства, но обсуждение его происходило все в том же ключе. Так, 31 октября 1912 г. вследствие осложнения международной обстановки из-за событий на Балканах Сухомлинов заявил о необходимости отпуска его ведомству чрезвычайных ассигнований в размере 66 млн руб., причем в порядке применения статьи 17 бюджетных правил, поскольку Дума четвертого созыва должна была открыться только 15 ноября этого года. Коковцов, который к тому моменту являлся еще и председателем Совета министров, прежде всего, возражал против осуществления такой операции в чрезвычайном порядке. Он опять указал на неизрасходованные остатки прежних ассигнований (всего 106 млн руб., отпущенных по сметам 1909–1912 гг.) и рекомендовал военному министру сначала использовать их для снабжения армии. Кроме того, глава Министерства финансов отметил, что модернизация вооруженных сил сдерживается низкой производительностью отечественной промышленности, неспособной «исполнять в краткие сроки предоставляемые ей военным ведомством заказы»³¹.

В Особом журнале, излагающем ход заседаний по данному вопросу, подчеркивалось: «Статс-секретарь Коковцов <...> уже многократно заявлял Совету министров и даже повергал на благоволение Вашего императорского величества, что современное финансовое положение дает полную возможность дальнейшего усиления средств нашей государственной обороны и что отпуски последних никогда не были им подчинены соображениям финансового свойства»³².

По результатам обсуждения Совет министров санкционировал сверхсметное ассигнование в размере 53 млн руб., в порядке применения статьи 17 бюджетных правил, но обязал Военное министерство взять их из средств уже имеющихся в его распоряжении. Учитывая неспособность российской промышленности полностью обеспечивать нужды армии, допускалось размещение военных заказов и в других странах. Но по этому поводу высказывались два пожелания: «1) Чтобы военное ведомство при заключении контрактов на поставку заграничных изделий воздерживалось, по возможности, от выдачи крупных задатков и 2) чтобы при распределении заказов на изготовление боевого снабжения были приняты в особое внимание современные политические осложнения и допустимое их будущее развитие, в смысле принадлежности отдельных заводов к странам, не входящим в состав дружественной нам политической комбинации»³³.

В таком духе отношения между Министерством финансов и Военным строились и на протяжении 1913–1914 гг. Модернизация вооруженных

сил продолжала осуществляться медленными темпами, хотя причины этого крылись отнюдь не в «бухгалтерском» подходе Коковцова. Государственный контролер П. А. Харитонов в своем докладе Николаю II от 6 июня 1913 г. сообщал о двух факторах, замедлявших производство «артиллерийских заготовлений», – недостаточная продуктивность отечественных заводов и несвоевременная высылка им чертежей и технических условий заказов Военным министерством. При этом он подчеркивал «полное обеспечение операции денежными средствами»³⁴.

По подсчетам К. Ф. Шацилло, за время между окончанием Русско-японской войны и началом Первой мировой на перевооружение армии и флота государством было ассигновано всего 1,8 млрд руб., из которых к 1914 г. израсходована только пятая часть – 376,5 млн руб.³⁵ Так что проблема заключалась не в недостатке средств и тем более не в личных качествах министра финансов Коковцова, а в низкой эффективности российской бюрократической машины (в данном случае Военного и Морского министерств), неспособной своевременно удовлетворять возникающие насущные нужды, а также в недостаточной производительности российской военной промышленности.

Определенную негативную роль также сыграла трансформация российской государственности в 1905–1907 гг. Осуществленный согласно Основным законам Российской империи от 23 апреля 1906 г. принцип разделения властей заставлял исполнительную ветвь считаться с появлением законодательных палат. Главам ведомств волеиневольно приходилось согласовывать свою работу с позицией Государственной Думы, но привыкание членов правительства к новым политическим реалиям шло с разной скоростью. И если у таких людей, как Столыпин или Коковцов процесс перестройки сознания шел достаточно быстро, то для Сухомлинова и ему подобных, считавших себя прежде всего «слугами царя», необходимость учитывать роль Думы в государственных делах так и не стала очевидной. Это порождало дополнительные трудности в деле финансового обеспечения модернизации вооруженных сил.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-01046 а2 «Жизнь и деятельность В. Н. Коковцова (по материалам российских и зарубежных архивов)».

Примечания

- ¹ Авиллов Р. С. По Транссибу на Восток. Визит министра финансов В. Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 405. С. 38–49.
- ² Там же. С. 38.
- ³ Там же. С. 40, 46–47.
- ⁴ Там же. С. 47.

- ⁵ См.: *Авилов П. С.* «Кредитов до сих пор мы не имеем...»: проблемы взаимоотношения военного и финансового ведомств Российской империи (на материалах истории Владивостокской крепости (1909–1911 гг.)) // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : История России.* 2016. № 3. С. 9–15.
- ⁶ Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. (Изд. 1906 г.). Свод основных государственных законов. С. 20.
- ⁷ Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. (Изд. 1906 г.). Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов росписью не предусмотренных. С. 5–6.
- ⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 298. Л. 1 об.–2.
- ⁹ Там же. Л. 2 об.–7 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 296. Л. 29–37 об.
- ¹¹ Там же. Л. 37 об.
- ¹² Там же. Д. 299. Л. 1–8.
- ¹³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 966. Оп. 1. Д. 15. Л. 3 об.–7.
- ¹⁴ См.: *Редигер А. Ф.* История моей жизни : в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 85–87, 300.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 15. Л. 27, 30, 34 об.–35.
- ¹⁶ *Редигер А. Ф.* Указ. соч. С. 220, 226.
- ¹⁷ Там же. С. 89.
- ¹⁸ См.: Особые журналы Совета министров 3 и 11 марта 1909 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 год. М., 2000. С. 83–87, 101–102.
- ¹⁹ См.: Особый журнал Совета министров 9 июня 1909 г. // Особые журналы... С. 224.
- ²⁰ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. : в 2 т. Париж, 1933. Т. 1. С. 359.
- ²¹ Там же. С. 362.
- ²² Там же. С. 366–367.
- ²³ *Авилов П. С.* По Транссибу на Восток. С. 39 ; *Его же.* «Кредитов до сих пор мы не имеем...». С. 10–11. Редигер в конце 1909 г. на заседании Финансовой комиссии Государственного совета при обсуждении доклада Коковцова о его поездке на Дальний Восток заявил : «Сказанное в докладе о состоянии Владивостока верно ; но там не сказано, что, вообще, вся наша оборона находится в столь же жалком состоянии ; заявление же о всегдашней готовности давать средства на существенные нужды обороны есть обычная у Коковцова ложь! Что может быть важнее мобилизационной исправности войск? А между тем я нужные на то одиннадцать миллионов рублей получил лишь путем преступления : неисполнением высочайше утвержденного решения Совета министров! Впервые чрезвычайные средства на улучшение обороны были получены летом 1908 года, и из них ничего не было уделено на Владивосток ; но полученные средства являются лишь каплей в море наших потребностей, а усилить Владивосток теперь, когда Амурская железная дорога еще так далека от окончания, не имеет смысла, так как в случае новой войны с Японией до окончания железной дороги оборона наших владений на Тихом океане все равно является безнадежной! Получаемые средства мы раньше всего должны употреблять на усовершенствование армии и ее снаряжения, а не на столь бесполезные затеи ; иначе мы еще долго должны будем сознаваться в своей неготовности к войне» (см.: *Редигер А. Ф.* Указ. соч. С. 300).
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303. Л. 40.
- ²⁵ Там же. Л. 40–41.
- ²⁶ Там же. Л. 37–38 об., 40 об.
- ²⁷ См.: Особый журнал Совета министров 28 ноября 1909 г. // Особые журналы... С. 458–461.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 304. Л. 10–12 об.
- ²⁹ См.: Особый журнал Совета министров 24 февраля 1910 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 год. М., 2001. С. 128–137.
- ³⁰ РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 15. Л. 9–11.
- ³¹ Там же. Л. 42–51.
- ³² Там же. Л. 52–53.
- ³³ Там же. Л. 56.
- ³⁴ Там же. Л. 58–61 об.
- ³⁵ См.: *Шаццло К. Ф.* Последние военные программы Российской империи // *Вопр. истории.* 1991. № 7–8. С. 224–233.

Образец для цитирования:

Зайцев М. В. «Путешествие из Петербурга во Владивосток»: к вопросу о противоречиях в правительстве России по поводу финансирования вооруженных сил накануне Первой мировой войны // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 4. С. 445–451. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-445-451.

Cite this article as:

Zaytsev M. V. «The Journey from St. Petersburg to Vladivostok»: on the Contradictions in the Russian Government Concerning the Army Provisions before the First World War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 445–451 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-445-451.